

Д. Н. Козырев

КОЗЫРЕВ И СОЛЖЕНИЦЫН¹

История отношений Козырева и Солженицына восходит к 1963 году. Тот год был памятным — в свет вышла первая правдивая книга о сталинской эпохе «Один день Ивана Денисовича». Автор книги был знаком с московским писателем О. В. Волковым — многолетним соловецким узником и сибирским ссыльным. Московская квартира Волковых и стала тем местом, где мои родители впервые познакомились с рязанским учителем физики Александром Исаевичем Солженицыным. Памятью об этой встрече стала хранящаяся в нашей семье книга «Один день Ивана Денисовича» с надписью: «Николаю Александровичу Козыреву — восхищаясь его мужеством и преклоняясь перед его трудом. 7 июля 1963 года. А. Солженицын».

На титульном листе книги портрет писателя. Пережитая трагедия и несклонившийся дух читаются во вдумчивых глазах и на изможденном лице этого человека. Однако мой отец увидел совсем другого Солженицына — энергичного, излучающего живительную силу и интересующегося всем, что происходит в мире. Взаимная симпатия сразу же соединила этих людей. Они походили друг на друга тем, что были подтянутыми, сдержанными, улыбчивыми. Оба любили спорт: отец — лыжные прогулки, Александр Исаевич — велосипедные странствия. Было дело, когда Козырев учил Солженицына кататься на коньках во дворе своего дома...

Солженицын — писатель совершенно необычный в русской литературе. Не было, похоже, до него такой ювелирной прозы. Дело не только в образовании писателя и даже не в том, что часто просил в тюремной библиотеке «что-нибудь из физики». Главное было в лубянском «камерном» семинаре у знаменитого Тимофеева-

---

¹ Публикуется по: *Козырев Д. Н.* Козырев и Солженицын // Terminator. 1994. № 1. — С. 20–21.

Рессовского, где он однажды прочел доклад по теории относительности. Солженицын явно владел неким ключом, или кодом, открывающим ему тайны мироздания. Таков был и Козырев.

Схожим был не только строй мысли этих двух русских интеллигентов. Оба они в молодости считали себя твердыми атеистами. Однако после чудовищной бури, чуть было не уничтожившей страну, у притворов храмов стали собираться чистые сердцем люди, в том числе Солженицын и Козырев.

Александр Исаевич интересовался работами Козырева еще до их личного знакомства. Он чувствовал, что в маленькой пулковской лаборатории закладываются камни науки будущих лет. «Когда же Вы снабдите меня концентратом сгущенного времени?» — спрашивал он в письмах.

В 1970 году отец оформил документы на поездку в Америку и перед отъездом решил провести день в Рязани. Служащая городского справочного бюро на просьбу отца назвать адрес Солженицына сперва ему отказала («Его адрес мы не даем!»), но затем смягчилась. Козырев и Солженицын все-таки встретились. В последний раз. Вернувшись в Москву, отец получил тяжелое известие — в Америку его не пустили. До конца жизни действовал запрет на выезд Козырева в капстраны.

Н. А. Козырев тяжело переживал арест Солженицына в феврале 1974 года. В первых сообщениях Би-Би-Си шла речь о какой-то очень важной книге писателя. Отец даже не догадывался, что вплоть до 1967 года Солженицын тайно писал «Архипелаг ГУЛАГ», место которого в истории Советского Союза соответствует месту книги Фукидида в истории Эллады. Козырев сумел прочесть труд только через два или три года. Он был поражен точностью описания связанных с его жизнью эпизодов (ведь Солженицын ничего никогда не записывал!). В черновиках отца сохранился отзыв, написанный им непосредственно после прочтения книги:

«“Архипелаг Гулаг” — это грандиозная эпопея становления и развития системы насилия и жестокости, системы, в которой сочеталась экономическая выгода с политической задачей устрашения человека и истребления в нем даже намека на свободную и независимую мысль. Поражают историческая точность и полнота описания этих страшных событий. И вместе с тем сила удивитель-

ной книги не в этом, а в проникновенном художественном чувстве правды и душевной красоты.

Книга оказывает на душу человека такое же глубокое воздействие, как драмы Шекспира. Сила художественной правды этих произведений вызывает высокие стремления, побуждает к благородным действиям и разрывает паутину мелких чувств и желаний, которые так легко и незаметно опутывают человека в его обыденной жизни. И вдруг — как пробуждение: и становится стыдно, что был близок к той грани, за которой начинается власть низменных действий и недостойных желаний. Содержание книги можно забыть, но чувство испытанного очищения, которое она дала пережить, останется навсегда, как большая радость... Удивительно, что такой великий художник, как Лев Толстой, не понял того же (самого главного) значения драм Шекспира! Вероятно, он прав, что в этих драмах нагнетается слишком много трагических событий, но разве можно иронизировать над этим или другим приемом развития действий, когда все это привело к великому таинству рождения подлинного искусства, приносившего столько светлого людям всех национальностей на протяжении четырех столетий. В книге «Архипелаг ГУЛАГ» есть сила драм Шекспира, и, надо думать, ее ждет та же судьба!

В наше время всему человечеству важно знать, что попытка подавления души человека, желание растоптать и превратить ее в грязь, несмотря на огромные возможности тотальной организации, никогда не может удасться! Чтение книги — глава за главой — убеждает в этом и создает уверенность в вечном торжестве света и правды».

До последних дней отец внимательно следил за жизнью Солженицына в США, радовался за него и сопереживал как близкий друг. Весной 1983 года окольными путями (через гавайского астронома Д. Крикшэнка) наша семья получила весточку из Вермонта: «Очень я любил Николая Александровича и надеялся, что он доживет до признания его работ. Царство ему небесное. Александр Солженицын».